

Дыханье слова

*Юрий
Смирнов*

* * *

«Нынче солнце светит ярче,
словно подменили...» –
«Милый, я же для тебя
солнце обновила».

«Столько у небесной чаши
сини разве было?..» –
«Это, милый, для тебя
небо я помыла».

«Столь прекрасен в одночасье
белый свет стал, диво!..» –
«Это в полдень я тебя
для себя... родила».

* * *

Говорила крыса крысе:
«Полетаем выше крыши
хоть разочек, хоть часок,
позабудем всех, дружок».
Отвечала крыса крысе:
«Мы не можем выше крыши.
Выше только облака
греют тёплые бока.
Выше только ветер от
золотых любви ворот
делит с нашими мечтами
свой стремительный полёт».

57

Юлия, июль и я

Память о будущем – странная ноша,
словно июль, занесённый порошей,
словно на «ты» соскользнувший ответ
вслед брудершафту, которого нет
здесь, но распитому нами тогда,
где чередой пролетели года,
может быть – месяцы, может – и дни,
там, наконец, мы остались одни...

* * *

Ниоткуда с любовью надцатого мартабря...

И. Бродский

День равняется ночи, а истина – лжи.
На границе их, в сумерках, мне расскажи
о далёкой весне, позабытой тобой,
что вернулась неожиданно холодной, чужой.
Может быть, никакого секрета и нет,
и прозрачна насквозь тайна прожитых лет,
надо только суметь от ловушек имён
научиться сбегать на равнины времён.
Там, на этих равнинах от края до края
наши жизни лежат. И хоть чуточку зная
о превратностях мира, где время в реке,
мне не кажется странным гадать по руке,
глядя, словно в секунде, растянутой вдаль,
и вода точит камни, и крепкую сталь
режут деньги бумажные. Силы там нет,
и мой взгляд оставляет на вещи лишь след...

* * *

Переходя в режим травы,
мир человеческой молвы,
шикарных дорогих машин,
чей отдалённый шорох шин
не по накатанному тракту –
с глубин откачанному праху,
мир прочих неживых вещей,
нам позволяющих ловчей
жить, видимо, в земном движении
у Неба в вечном наблюдении –
всё возвращаю я к началу,
сыродернистому причалу.

Зелёным стебельком травы,
смешно щекочущим запястье,
входил я в жизнь твою на «Вы»,
взмывая вверх к высотам счастья.
Я побывал в иных мирах,
куда иначе вход заказан,
я рассказал тебе о снах –
сон нашей жизни не досказан.
С тобою рос. Хоть осень скоро
положит строфами траву,
волнуясь, я дыханьем слова
тебя касаюсь – и живу...

Нам светит солнце сквозь листву,
о чём-то важном свысока
шумят деревья на ветру
и проплывают облака.

* * *

Неприкосновение к тебе –
дань немилосердная судьбе
в горести тоскующих ладоней
о твоей оставленной спине.

А прикосновения мои –
лёгкими ладонями зари
к чувственной открытости дворов
с острыми лопатками домов.

Осень скоро
положит створам тьраву.
Волнуясь, я дыхалась слова
тебя касалась — и живу...

Палеонтология

1

Пейзаж любви меняется. Не замки
в немыслимых высотах, а бунгало
на острове – коралловый песок
и шелест волн, да ветер океана...
В слоях же неизменные:
Краса и (как комплект) Чудовище.

2

Ландшафт мечты меняется. Уходит
уютность мезозоя, и пустыня
всё больше насаждает, и ледник
мерцает в отдалении – маяк,
ведущий к настоящему, к тому,
чем, кажется, владеем.

* * *

Ты устала, отдыхай,
потихоньку засыпай.
Глазки закрывайтесь,
губки улыбайтесь,
пот в ложбинке высыхай.
Пусть тебе приснится рай.

Это – ангел, это – Бог,
это дом для всех дорог.

Где-то ты, а где-то я,
и со мной мечта моя.
Солнце, укрывайся,
месяц, умывайся,
ветер, окна затвори
и утихни до зари.

Ты да я, да мы с тобой,
где-то свадьба, где-то бой.

Я не инок, я не тать,
я учу тебя летать:
станешь ты крылатой,
на добро богатой,
не алмазом, не деньгой –
самородною судьбой.

Ты ложишься на бочок,
тут и сказочка – молчок.

Океан Магеллана

Я плыл тобою. Паруса
нежней ночей наполнили ветра
попутные, блистали небеса,
скрывая бури,
по утрам
разрезом глаз
серел твой горизонт,
очерчивая омут сей великий –
и я назвал тебя *Pacific*,
Тихий.

* * *

Сползаем в осень, как в средневековье,
вне города в туман, в сырой аттрактор
дорог, размытых, как ручья верховье,
что в грязь являют важную из истин:
чем круче джип – тем дальше будет трактор.
В партер природы сядем любоваться
неспешным ходом рыцарских эпох,
под арии замены декораций
весны – на осени и сёл – на городов,
в них снова маскарад устроил Бог.
Пройдут века, поднимутся дубравы,
и прорастёт в траве твоя серёжка,
утерянная здесь, и грех забавы
«Здесь Казанова был – и он любил»
откроет надпись на стволе берёзки.

* * *

Иль ты уже забыла вкус вина
с горчинкой в послевкусии? А на
холмах когда-то зревший виноград,
вбирая соки сладостного лета,
всё грезит о пути, которым рад
войти в тебя –
о, мой синоним света!

А горечь та – от гордости империй,
утёртых в пыль. Сё лёгкая потеря
для нас с тобой, но важная холмам,
заросших виноградником с времён,
когда с других небес, как ныне нам,
светил синоним
в мире без имён.

* * *

Ты где-то есть –
и мир прекрасен.
И тем прекрасней он вдвойне,
что небосвод лазурный ясен
и солнце яркое – в вине
весны, искрящейся в бокале
со льдом апреля-хрустала:
морозны утренние дали,
и ослепительны поля.
Покров нетронутый чудесен,
за время твёрдости воды
метели спели много песен
и наши замели следы...

Снега под парой каблучков
твоих скрипели бесподобно,
и партитура облаков
плыла мелодией угодной
неспешному движенью тел
в сплетении пальцев и аллей...
О, как бы снова я хотел
с изящной линии бровей
пройдя дыханием, губами,
ледышку мочки обогрев,
коснуться теплоты... Меж нами
возникший памятный напев
уже зовёт меня из края
зимы холодной красоты,
и не весенний воздух рая
там наслаждение – а ты!

* * *

Твоя весна без передозировки
почти не вызывает привыканья –
касания мимолётны, даже робки,
и встречи означают расставанья.
Сухой пригорок, жухлая трава
среди зимы заснеженных равнин...
Но ярче свет – и в полные права
вот-вот войдёт весна. Тогда один
я буду в ней, в её тепле и травах,
с пьянящих запахов безумный человек
и не привыкну сладкую отраву
из губ прелестных принимать вовек!

* * *

Солнце в городе встаёт
меж высокими домами,
город солнцу подаёт
список улиц между нами.
Между нами улиц много.
Солнце городу велит:
«Сократите», – смотрит строго –
список, батенька, велик...»
Город быстро поднимает
планы на текущий день,
корректирует, стирает
половину улиц. Тень...
(Между прочим, по ранжиру
справедливо дотемна
каждому по росту-жиру
небом распределена).
Тени городские браво,
как солдаты на плацу,
поворачивают вправо
на Полярную звезду.
Бровь светлейший супит, как
очень важный господин:
«Не возьму я в толк никак,
отчего мой друг один?!»
Город про себя мечтает:
«Отчитаться бы совсем...»,
наши улицы считает –
и вычёркивает все.

Благодарен я судьбе
в миг, когда шепчу тебе,
в сердце радость не тая:
«Здравствуй, Прелесть, это я!»

Прогноз

Вновь тихо завтра в атмосфере
скользнёт, кружась в извечной вере,
листочков пара с мира древа –
и в страстных снах Адам и Ева
падут в садах Эдема рядом
в прозрачных царственных нарядах,
прощально упиваясь солнцем,
допьют нектар небес до донца.
Таков прогноз – он очень точен,
но ошибается погода:
моё Макондо сносит осень
уже полгода.

* * *

Пришёл июль – пришла жара:
из тени в тень перебегаю
под кроной пышною дерев.
От солнца женщины зарделись,
разделись.
Мой загорелый организм,
весны гормоны талых вод
растратив, нынче от земли
уже летает в миллиметре –
не в метре.
Прекрасный образ юной девы
сиесты маревом размыт,
уже не так меня бодрит
сродни роденовской весне
во сне.
Всё отцвело, всё – в прах и в пух.
На современной нашей кухне
ждёт созревания помидоров
соль современная, она
не солоня.

* * *

Пройдёт июль, как место встречи
осени с весной –
печали давние залечит
сказкою лесной,
болотно-мёртвою водою
мысли окропит,
водой живой у водопоя
чувства оживит.
Коврами пёстро-полевыми,
бегом облаков
сны жарких дней уйдут живыми
в инстаграм веков.
Когда, играя, ты покинешь
страсти сервера,
там ветер времени раскинет,
обращая в прах,
все пункты наших достижений
прошлого сезона –
и потому для отношений
больше нет резона...
Зачем заставку встреч короче
клипов в Интернете
нам лето зрелое до ночи
крутит в менюэте?

* * *

Облака не бери, их и так у нас много –
вдоволь нам наглядеться на долгий закат,
набери впечатлений о горных дорогах
и восторгов с вершин, покорённых стократ.
Летний тундровый снег привези, что в руках
тает незагорелой полоской на теле –
холод нам на ладонях прожжёт на века
шрам желаний, в умах обозначенных еле.
Свежесть чувств привези – потерял я свою,
а твоя вольно дышит трудами, мечтами.
Может, вместо осенних дождей воспою
юность вечной весны отношений меж нами.
Пусть, как прежде, в садах запоют соловьи,
и пойдут облака кораблями по лужам –
свет извечной любви каждый миг прояви,
в этом мире дарованный родственным душам.
Всё в рюкзак собери, рифмы тоже возьми,
поднимись ввечеру в двухэтажный вагон...
Ну, а утром увидишь, часам так к восьми,
как я город к вагону тащу – и перрон.

